

Заморок

Автор:

Алла Хемлин

Заморок

Алла Хемлин

Действие романа Аллы Хемлин разворачивается в провинциальном украинском городе с 1941 по 1961 год. Персонажи пытаются строить жизнь по-новому, стремятся приручить собственные судьбы, однако те сопротивляются. Светлые планы, сулящие радостные переживания и ослепительные восторги чувств, оборачиваются мутной реальностью. Заморок – вот форма существования героев. Это то самое покрывало майи, сквозь которое они смотрят на мир, уже не силясь понять, существует он или нет.

Разворачивающаяся в книге Хемлин речевая стихия сродни стихии музыкальной. Переходы от смешного к трагическому, от рационального к иррациональному, от надежды к экзистенциальному ужасу, от нормы к аномалии происходят, как в музыке – с одного такта, с одного предложения. Язык как метафизическая сущность противостоит всепожирающему Времени, сохраняет людей и эпохи.

Алла Хемлин

Заморок

Сестре

© А. Хемлин, 2018

* * *

Люди всегда не знают, а всегда говорят.

Я расскажу, как было.

У меня год рождения в городе Чернигов получился 1941-й, 22 июня, самая-самая ночь.

А часов в восемь утра прибежала санитарка Фрося. Фрося прибежала и начала кричать своим голосом:

– Просынайтэся! У людэй вже вийна, а воны розляглыся! Ану – пидъём! Собырайтэ ногы до купы и бижить с дытямы хоч куды!

По правде, санитарка Фрося узналась людям как сильно выпивающая. Потому слова люди-женщины приняли не за правду-правду, а так.

В ту секундочку никто не двинулся с своего места на кровати. Некоторые из пяти свежеродивших подали свой голос. Вроде что вы, Фрося, сама по себе санитарка, что вы должны соблюдать порядок дня, а не колошматить здоровье матерей.

Только с третьего захода Фроси моя родная мама в первых рядах взяла в свою голову, что санитарка если и закинулась, так совсем чуточку, с такой чуточки можно, если что, брать горлом, а только про привычное дело. А война – это для человека совсем-совсем другое.

Надо понимать.

Когда уже это самое другое людьми понялось, моя родная мама подскочила с своей кровати и без одного слова кинулась в пеленальную.

По дороге наперекор моей родной маме не попался никто, тем более – на всем этаже на выходной остались только матери с новорожденными.

Моя родная мама забежала в пеленальную и в эту самую секундочку – раз! – схватила крайний-крайний паку?нок и на?чала вылезать в окно. Накануне прошел жарючий день, потому окна пооткрывали. Тогда не придавали значения заразе для новорожденных, а старались, чтоб проникал свежий ветер.

Больница была хоть маленькая, а двухэтажная. Палата с пеленальной устроилась на втором этаже. И моя родная мама полезла с второго этажа с чужим ребенком спастись от наступившей в Чернигове войны.

Да.

Чужой ребенок был тоже девочка и тоже чернявенькая. Допустим, моя родная мама про что взяла чужое – не знала. А то б конечно.

Пока моя родная мама с паку?нком как-то лезла на землю, в палате поднялись слезы и вопросы.

Потом весь-весь коллектив свежеродивших побежал до докторской комнаты.

Дежурная докторша в докторской комнате разъяснила для матерей, что по радио ни про что не заявлялось, что никакой телефонограммы не получалось, что может случиться провокация, что она не уполномоченная оставлять пост и распространять сплетни.

Война началась на рассвете,
чтоб больше народу убить,

спали родители, спали их дети,

когда стали Киев бомбить.

Потом настало время, когда поняли. Конечно, когда человек уже все-все понял, получается совсем-совсем другое дело.

Тогда все-все матери побрали своих новорожденных детей и побежали по домам спасаться уже по местам личного жительства.

Одна среди женщин – женщина Тамара – получила на руки не своего новорожденного, а меня, тоже чернявенькую девочку. Тамара еще с дальнего материнского взгляда на меня узнала, что ребенок для нее получился совсем-совсем чужой. Тамаре сказали – пока милиция не узнает, что и где, и не вернет незаконно взятого ребенка, пускай Тамара забирает себе, какая девочка имеется в наявности, а потом если что, поменяется на свою родную. Конечно, Тамара взяла?

Про мою родную маму в те часы подумали, что женщина уже далеко-далеко, что, как вернется в себя, так в одну секундочку прибежит и отдаст забранное и что все-все будет хорошо.

Про историю с пеленальной и окном на землю – никто ж и не понял, как могло обойтись, чтоб не в окно. Мне через годы-годы от и до рассказала сама Фрося. И я повторяю Фросю честно, без себя.

Моя родная мама с чужим ребенком для всех-всех пропала.

Милиция побежала к моей родной маме домой, а там – никого. А никого, потому что муж моей родной мамы уехал в командировочное время на крупное строительство в Киев. Тогда строили стадион спорта, и – раз! – на 22 июня наметили себе открыть. А моя родная мама тоже наметила себе – быть в такой день рядом с плечом мужа.

По правде, чтоб я не думала себе лишнее, Фрося сказала, что мой родной папа получился тоже еврей и по имени, и по фамилии, что Фрося тогда своими ушами слышала, что потом забыла из-за переживания жизни.

Да.

Моя родная мама рассказывала про свой план всем-всем, все-все и знали.

Милиция доложила начальству про случай и кинулась в другие важные приказы. А приказ был по городу и области один – оборонять нашу Родину. А моя родная мама, хоть и с безвинно покраденным новорожденным, – не пушка с гранатой, чтоб искать пропажу по всем усядам. Никто сильно-сильно и не искал.

Конечно, Тамара искала. Допустим, Тамара с Фросей искала. И от себя Тамара искала тоже. Фрося сама попросилась на помощь – как свидетельница и по доброму чувству к горю матери. Про горе – это считалось, что горе получилось у Тамары. А про мою родную маму считалось, что там никакого на свете горя нету, что моя родная мама ж сделала, что сделала, своими руками, что надо было хорошо смотреть, а не так. А когда уже сделала – держись и не жалуйся товарищам.

Фрося по нации не была еврейка, как моя родная мама. А Фрося ж знала, что у евреев есть такое, называется “синагога”. В те годы в Чернигове синагоги уже не было. Зачем бы советской власти была синагога? Фрося знала про синагогу, потому что жила еще раньше, когда синагога в Чернигове была. Допустим, советская власть тогда уже тоже была. А синагога...

Синагога была по дороге на площадь, революция совершилась, синагога еще хранилась на своем месте, потом комсомольцы все-все вынесли с синагоги, получился красивый клуб, готовый.

Да.

Так Фрося про синагогу знала, что евреи собираются в синагогу и один про другого рассуждают, что даже некоторые уже после всего приходят вроде в клуб, а в голове у себя молятся синагоге. Таким людям на портреты вождей – тьху.

Фрося пошла в клуб. И сразу пошла к еврейской старухе. Всем-всем понятно, что старуха в клуб заявила слушать не политинформацию, а голоса с верующего неба.

Фрося подошла к старухе с теплой улыбкой, поздоровалась, села и на?чала спрашивать, что, может, кто с еврейских женщин по городу рассказывал, что некая молодая еврейка с нарожденной дивчинкой, хоть и чернявенькой, а не как обычно у еврейских деток, находится не у себя в хате, а прибилась к чужому углу, что, может, она больная, может, ее надо направить или как.....

Старуха хорошо-хорошо послушала Фросю и пообещала, что пускай Фрося себе считает как хочет, а названная женщина нарожденной дивчинке ничего не сделает, что про кровь на евреев все-все наговаривают и что верить такому некрасиво.

Про мою родную маму старуха Фросе ничего не сообщила. А по виду Фрося себе решила, что старуха знает сильно много.

Фрося такое себе решала, старуха уже ж встала на свои ноги и пошла. Фрося пошла тоже.

Пошла Фрося за старухой.

Получилось, что у старухи была хата на улице Трудовой, которая за клубом, который синагога, которая клуб.

И надо ж такое! Фрося увидела там в дворе у старухи на веревке мокрые тряпки, какие делаются для нарожденных.

Фрося, конечно, побежала в сам дом, а старуха туда уже ж вошла.

Фрося и старуха опять встретились лицом до лица. Встретились, а никого другого в хате не было.

Старуха, конечно, спросила Фросю, за чем Фрося.

Фрося все-все высказала прямо в лицо старухи.

Старуха сказала, что ничего даже малейшего нету, что тряпки, которые в дворе, накроенные для самой старухи, что пускай Фрося живет себе дальше-дальше, что тогда Фросе такие тряпки тоже будут нужные.

Фрося, конечно, не поверила старухе. Допустим, про что Фросе тряпки тоже будут нужные, чуточку поверила, а про что повешенные тряпки не для нарожденного – не поверила.

А 8 сентября в Чернигов зашли немцы.

Потом евреев убили.

Фрося с другими товарищами ходила смотреть, как евреев убивали. Не всех в одну секундочку, а по порядку.

Фрося по порядку и смотрела, и увидела знакомую старуху. Фрося старухе, конечно, кричала, чтоб старуха облегчила себе сердце перед смертью и все-все сказала.

Старуха смолчала. А потом уже не спросишь, хоть ты что.

Фрося попросила у меня большое прощение, что не узнала у старухи.

Конечно, я Фросю не простила.

Не простила не за то, а за другое. Когда ты не знаешь, тогда всегда молчи и не репету?й.

Так ушли следы моей родной мамы и нарожденной дивчинки – родной дочки Тамары.

А Тамара, простая украинская трудовая женщина, меня кормила-кормила. Своим молоком и своими слезьми кормила. А как же было меня не кормить? Я Тамаре далась на замену – получается, терпи, жди свою одну секундочку.

Конечно, Тамара тоже думала про следы, а время было уже не то. А всегда ж может перевернуться на то. Ты жди – следы не следы – не твое это дело. Было б что дать за свое.

Надо понимать.

Можно сказать, что я и есть виноватая во всем, не считая фашиста.

Это я сказала не от себя и не от Фроси. Это Тамара мне в уши говорила от самого первого дня совместной жизни как дочки и мамы. Только я ж не знала, про что мама Тамара говорит. Тамара ж мне считалась перед всеми-всеми моя мама. Конечно, не считая меня и Фроси тоже.

Я стала расти, и долго понимала одно – что моя мама меня не любит, а шпыня?ет. Если б на ту самую секундочку в наявности был мой отец, который муж мамы Тамары, может, я б хорошо посмотрела и увидела, что я в нашей родной семье чуточку другая, что, может, я сильно-сильно чернявенькая, что, может, у меня и носик. А мужа мамы Тамары в наявности не было. Я по своим годам могла это понимать, когда была в войну? Не могла, я ж родилась когда? Потому не могла. И никакой карточки мужа Тамары в хате не было. Кто ж так поступит с карточкой при живущем по-хорошему человеке-муже? Допустим, муж в хате и не жил. Оно ж, когда в доме живут, так.....

По правде, я и потом не понимала про папу, и не спрашивала тоже. Как спросишь? “Мама, где наш папа?” И чтоб этот папа пришел и тоже начал меня шпынять? Я ж, считай, только шпыняния и видела. Пускай.

А соседка по нашей улице Республиканская рассказывала соседке, которая тоже с улицы, на горке, после хаты Семенчихи, а я тут сидела, на травичке, уже мне было лет, может, восемь. И соседка эта говорила другой такой же, что дивчинка, я, получилась ни в кого, что муж Тамары убежал от Тамары от сильной-сильной обиды.

Потом уже и Фрося приступила с больным разговором. Мне как раз сполнилось близко до шестнадцати. Паспорт и комсомол. Допустим, комсомол был раньше. Я ж сначала поступила, а потом уже и.....

Сама Фрося или мама Тамара придумала вывести мне все на воду, я доподлинно не знаю. А в паспорт записалось синим-синим такими словами: Федоско Мария Ивановна. И метрику я видела тоже, когда мне выписывался паспорт. Там на место отца записалось синим-синим такими словами: Федоско Иван Николаевич национальность украинец. Або українською: батько Іван Миколайович Федоско національність українець. И то же самое – мать Федоско Тамара Федоровна национальность украинка, або українською – мати Федоско Тамара Федорівна національність українка.

По правде, слово не отличишь одно от русского. Различается на крыхту, по-русски – на крошку. Вроде моего носика. Пускай. Ничего на свете еврейского у меня нету. Я всегда по паспорту честно-честно всем-всем отвечу – Федоско Мария Ивановна, украинка у таких же родителей. А что папы нету в наявности, так наявности нету у целой половины черниговских мне одноклассников. Война ж, товарищи!

Надо понимать.

В школу я пошла в 48-м. Мама Тамара сильно переживала. Допустим, если б я пошла в школу на год раньше, так мне б давали бесплатно хлеб, сахар и чай.

Два кусочка черного хлеба, два кусочка пиленого сахара и стакан чая. Приносили б на большой перемене в класс. Оно ж карточки отменили, так и бесплатное тоже.

Школа, огород, поросю? намешай, курам задай, воду наноси на все на свете. Кошка тоже. Собаки у нас с мамой не было. Кошку у нас звали Маркиз, а собаки ж не было, так собаку и не звали.

Да.

Я закончила в семилетке семь классов, и в ту же самую секундочку началась у меня работа на лозовой фабрике плетеной мебели.

Мама Тамара на другой год моей работы на лозовой заболела.

Первые месяцы мама была такая, что вроде сильно-сильно вся-вся усталая.

Потом, как на?чала мама меня шпынять через пятое на двадцатое, а не как я уже хорошо привыкла, я спугалась. Получалось, маму Тамару прихватило-прихватило. Один день плохо, а другой день хуже.

Когда мама Тамара меня погладила по косам, тут мне прояснилось, что уже будет скоренько. Потому что зачем бы мама Тамара и гладила? Я тогда уже про себя и про маму все-все знала. Я, считай, уже целый месяц знала, а вытерпела мамину глажку. Пожалела маму Тамару. Пускай. Конечно, мама Тамара не меня – чужую – погладила. Мама погладила другую – свою.

Для сравнения скажу честно. Я маму, которая Тамара, любила. До слов Фроси про мою родную мать – сильно-сильно. По правде, после Фроси тоже любила.

У меня в голове сложились моя родная мама и мама, которая Тамара. Как сложились, так уже не разнимались. Несмотря что.

Мои мамы две получились без обмена. Это ж как человеку обидно!

Допустим, в одну секундочку моя родная мать объявит себя с ребенком, который родной ребенок мамы Тамары. А с кем моей родной маме надо будет меняться? Я – не считаюсь. Меняться ж надо с Тамарой. Так? Я ж и говорю, что человку без обмена обидно-обидно.

Это все было первое. Было еще второе тоже.

Я почему-то у себя в голове знала, что моей родной мамы уже нету, и дивчинки, которая родной ребенок мамы Тамары, уже нету. Я в своей голове знала тоже, что до головы мамы Тамары это чем-то донеслось, – и мама Тамара потому взяла – раз! – и умерла. Раз будет ей без обмена, все-все стало зазря.

Надо понимать.

Получилось очень удачно – маму похоронили, а на послезавтра мне исполнилось полных шестнадцать лет. Конечно, мне выдали мой паспорт. Если б моя мама Тамара так не подгадала, меня хоть на сколько, а определили б в детдом до наступления лет. А так – и не надо. Тем более – Фрося выступила с желанием помочь в моей жизни. Фрося, конечно, спасибо, уже мне хорошо помогла – рассказала про меня. Пускай.

Про спасибо Фросе.

Я ж не потому, что я тогда стала еврейка. Хоть, конечно, такое не сильно хорошо для человека. Еврей у нас в Чернигове считается стыдная нация, это ж все знают. Я ж не потому.

Да.

Я подумала, что на бумаге я украинка, что если не рассказывать кому попало, будет у меня, как было.

Я потому, что, когда человек получается подменный, человеку всегда можно указать, что есть настоящий – такой будет хозяин и хозяйству, и всему на свете. А куда я пойду без хаты и без ничего?

Допустим, если ты еврей, это стыдно. А если без ничего – это ж целый страх! А у меня могло сделаться одно с другим.

Получилось опять удачно. Документ на меня и на мою родную маму сгорел, когда от бомбы горела то больница, то милиция тоже. Оно ж и пока не горело, никто концов не нашел. А потом, когда после войны, мама Тамара никуда не ходила. Фрося и отговорила маму Тамару ходить, сказала, что такие дела сейчас хорошо делать тихо.

На случай у нас с мамой Тамарой на месте документа стала Фрося. По правде, Фрося сама по себе хорошо расселась на таком месте. Хоть при маме Тамаре, хоть при мне, а я ж – Федоско Мария Ивановна, украинка у таких же родителей. Я ж уже говорила.

У меня была и хата, и в хате, и возле хаты – хозяйство. Порося и куры – это вам не голый локоть. И зарплата у меня была тоже.

И я, конечно, сразу начала жить. Я хозяйство взяла – раз! – и продала. Фрося мне сильно-сильно помогла. Фросе за такую помощь перепало. Считаю, я подарком дала Фросе три живые курицы-несушки. Деньгами тоже Фросе перепало.

Да.

Допустим, кошку я не продала. В Чернигове кошка – это ж не хозяйство. Если б считалось, что хозяйство, тогда б, может.....

Про начала жить. Я взяла и переставила в комнатах места – кровать перетаскала с одного на другое, с комода мешанство повыкидала – сколько ж я выстирывала-вываривала до чистого цвета эти серветки, мама Тамара вязала мелким крючком. Я повыкидала – и назад своими глазами не глянула. Я и скрыню выкинула тоже. Скрыня ж стояла себе пустая-пустая. На дне давно-давно

положилось пять рушников, а так стояла скрыня для вида четырех стенок. А это ж вам город! Чернигов! Город, а не село!

Я наметила себе с этой секундочки, что всегда буду говорить про свою хату, что хата не хата, а дом.

Я в целом как человек – сильно нежная. Люблю, чтоб вокруг было тихо-тихо, чисто-чисто. Чтоб никто ничего-ничего.

И еще мне аж снилось в моем сне, что я в прическе с платьем хожу по большой комнате и улыбаюсь людям и мужчинам. И мне люди и мужчины ответно улыбаются тоже.

Я им всегда говорю:

– Что вы будете кушать? Первое или, может, второе?

А мне люди и мужчины отвечают:

– Конечно! А что дашь!

И надо ж – по черниговскому радио сказали, что на вокзале сделали ресторан, хвалились, какой получился хороший. Обязательно хороший – это ж целый ресторан!

Я тогда запросилась у мамы Тамары, что пойду на работу в ресторан.

Мама мне сказала, что туда честные не идут, даже на кастрюли мыть не идут. Что такое место для женщины-девушки стыдное.

А мне захотелось. Страх захотелось! А без мамы ни на какое место не принимают, паспорта ж у меня еще не было, когда мама была живая и меня не пускала.

Я пошла на лозовую, носила лозу – вязки кило по десять, по самой земле тащила, если никто не видел. Как кто начинал видеть, я тогда на спине носила.

Лозу нельзя ша?рпать. Лоза полагается гладкая.

Надо понимать.

Мне сразу хорошо объяснили.

Конечно, у нас на фабрике всем давали спецовку, кто носит лозу. Спецовка, считай, до колена, крепкая, с брезента. Такая служит человеку и служит. И моя тоже служила человеку. А я у моей спецовки получилась уже не человек. Там зашито на живую, там порвано. И парко в брезенте. А я не люблю, когда парко.

Я придумала завязывать рукава вокруг своей шеи и делать с спецовки вроде дорожку на спине. Мне высказали замечание за мой внешний вид. Мне указали, что я ж не грузчик на скотобойне, что я работница на фабрике. И про косынку мне указали, чтоб у меня волос на глаза не лез, оно ж надо всегда-всегда видеть перед собой дорогу.

По правде, про дорогу – это правильно. Можно не увидеть, и тогда всегда упадешь. Допустим, я пойду с лозой, а волос мне закроет дорогу, получится несчастье.

Надо понимать.

Про скотобойню. Я б на скотобойню не пошла, хоть что.

Допустим, ты человек и ты уже пришел на работу, тогда возьми и работай. На спецовку не спихивай, и на тачку не спихивай тоже.

Были спецовки – это первое. Были еще и тачки – это второе. Спецовку давали, кто на подноске, а тачки не давали. Конечно, тачек на всех-всех не нахватаешься. А лозы ж – кучи и кучи. Допустим, надо на работниц, которые на подноске, шесть тачек. В наявности имеется тачек три. По правде, шесть тачек тоже получается мало. Допустим, будет семь тачек. Так оно ж тогда получится

совсем-совсем никак, ни тебе развернуться, ни тебе повернуться

Товар у нас на фабрике был красивый, прочный, хоть и лоза, а простоит, пока не поломают. В Чернигове была и настоящая мебель. Конечно, настоящая мебель делалась деревянная. Про деревянную я доподлинно ничего не знаю. А так – знаю, что лозу люди любили всей своей душой. Людям надо ж было устраиваться, так потому. Мы людям плели и плели – и стулья, и столы, и люльки тоже. Кровати – нет, не плели, а качалки прямо панские – было.

По правде, я ничего на свете не плела, я на подноске работала.

Пускай. На то и коллектив.

Я про лозу.

Я таскала на лозовой лозу. Таскала и таскала.

Потом мы с девчатами с лозовой справляли мои восемнадцать лет.

Там была такая – Татьяна. Татьяна мне по-товарищески подсказала, что мне надо к Мурзенке. Татьяна и подучила, что и как.

Я на другой день пошла в обед к Мурзенке, который, был, считай, самый-самый главный на складе человек, и выразила свою просьбу:

– Василь Петрович! Будь ласка, якось допоможить мэни! Важко ж! Дывытэся, як в мэнэ спына порэ?палась!

Я расстегнула пуговицы, плечи двинула и сдвинула кофту далеко-далеко назад по спине от шеи. Аж моим косточкам посередине заглодало.

И к Петровичу, к Петровичу.

А у меня на спине страх страшный-страшный. Синяк на синяке. Один одного больше и синей синим цветом. А есть же и других подсветов – и желтые, и с краснотой. Если смотреть, так получается красиво. Я в зеркале смотрела. Мне понравилось.

А в перерывах от синяков осталось чистое девическое тело – белый сахар. Как не почувствовать такое! Допустим, Петрович чувствовал-чувствовал.

Мастеровые девчата, которые хорошо знали про Петровича, – они ж сами были раньше на подноске. Сами были – кто перед кем успеет до Петровича добежать. Я, как узнала, всегда добега?ла. И тачка мне давалась, и сочувствие человека.

Конечно, бегала не каждая. Даже бывали такие, которые плевали на которые бегали. Даже называли, что, допустим, я шлёмдра.

А у меня стыда на такое нету. Зачем в такую секундочку стыд?

Стыд – это когда Петрович меня сам расхриста?л и все-все. А я ж своими руками. А Петрович своими руками – самую чуточку. Петрович смотрел и смотрел своими глазами. Это разница.

Потом – тачка мне давалась не для гульбы, а для труда. Это разница тоже.

Я трудилась на всю свою силу. Если человек, так он же без копейки не может. А мне сильно хотелось в душе на заработанную копейку и одеться в красивое, не перешитое, и пойти в город в кино – хоть на две картины в один день, и конфет хороших купить – хоть сколько грамм.....

По правде, я ходила к Мурзенке не только для тачки.

Я давно себе наметила, чтоб не собирать своим подолом репьяхи. Я наметила себе любить такого мужчину, который достоин.

Допустим, взять мужчину. Для меня у мужчины красота всегда не главное. А будет у мужчины красота, скажу спасибо.

Да.

Поется песня:

Мне ж бить китов у кромки льдов,
Рыбьим жиром детей обеспечивать.

Я б хотела встретить такого мужчину, который убивает китов для детей. У нас в Чернигове таких нету. Пускай.

Я про мужчин.

У меня уже давно был случай, что я чуточку не утонула.

Мы с подружками пошли на Десну. Был самый первый жаркий-жаркий день. Мы с подружками наметили потрогать воду, и, если нам вода понравится, мы б тогда купались.

Получилось, что вода уже потеплела. Конечно, мы были сильно рады.

Я в воде ничего не боюсь. Я боюсь, когда на воде плывет непонятное. Оно как раз и плыло.

Подружки мне закричали:

– Утопленник!

Конечно, я увидела на воде утопленника.

Утопленник меня взял – раз! – и мазнул по руке. Я давай в сторону. А сторона получилась не к берегу, а на глубину-глубину.

Божжжже!

Уже и дна у меня под ногами нету, неба наверху нету тоже. Бултыхаюсь-бултыхаюсь. Уже я провалилась – совсем-совсем.

Божжжже!

В эту самую секундочку я услышала:

– За корягу зацепляйся!

Я свои руки с воды высунула и ша?рпаю по воде сначала отсюда туда, потом оттуда сюда. Ничего и ничего. А потом нашарпалось. Я схватилась. Это был утопленник, который меня уже взял – раз! – и мазанул. Конечно, страх. Страх, а я не отпускаюсь, держусь хоть за утопленника.

Утопленник тащит меня и тащит.

Подружки мне кричат, шеи свои дерут. А мне уже не до чего. Прощай, моя хорошая жизнь, и мама, прощай, и все-все прощай тоже!

Получилось удачно, что на весь шум появился мужчина.

Мужчина хорошо понял и кинулся на мое спасение.

Мужчина был не хлопец, а настоящий мужчина. По красоте мужчина был похожий на артиста Столярова, и на фигуру, и на лицо тоже похожий.

Допустим, Столяров сейчас чуточку подтоптаный, а на воде тогда Столяров для меня увиделся такой, какой артистом исполнял в “Цирке”.

Мужчина был раздетый до самых трусов. Ни майки у мужчины, ничего. Мужчина ж пришел не в горсад, а на речку. Конечно, в горсад бы мужчина оделся в костюм. Мне нравится, когда мужчина в костюме и в рубашке апаш. И когда пиджак внакид. Еще мне нравится, когда мужчина ходит в шляпе. У нас в Чернигове такое редко-редко. Допустим, в горсаде можно ж ходить и без шляпы.

Мужчина был, считай, без всего. И не надо думать, что я в опасную секундочку смотрела и смотрела на почти что совсем голого мужчину. По правде, я смотрела. На кого ж мне было на речке смотреть? На утопленника ж я не могла смотреть. Я и руками за него держалась через всю свою силу.

Мужчина Столяров прыгнул с берега в воду и скоренько-скоренько подплыл до меня с подныром. Схватил меня сзади своими руками и тихонечко-тихонечко, наверно, чтоб лишнее не пугать человека, сказал в самое мое ухо:

– Видчипляйся.

А у меня руки уже залякли и ни за что на свете не видчипляются.

Столяров хорошо понял и начал толкать меня с моим утопленником до берега.

Столяров держит меня своими руками, а сам по себе толкает к берегу животом и всем своим другим тоже.

Я уже, считай, утопилась, а в эту самую секундочку у меня опять зародилась кровь. У меня в животе зародилась и затолкалась, как мужчина меня толкал.

Про почему я про свою кровь в животе вспомнила – про это потом.

А про Столярова сейчас вспомнилось почему? По правде, потому что одно всегда касается до другого. Оно если б не касалось, тогда б всегда никому не вспоминалось.

Да.

Я про Столярова.

Мурзенко был похожий на мужчину. Конечно, не на мужчину-мужчину, а похожий на Столярова, который в “Цирке” Петрович, который на речке. Первое. Мурзенко получился тоже Петрович.

Конечно, я Мурзенко и раньше видела, еще когда до Татьяны. А почему-то ж я Мурзенку тогда не узнала. А когда уже после Татьяны, так – раз! – и узнала.

Я подумала, что Мурзенко на речке меня спас, что Мурзенко забыл про это.

Потом я подумала, что не буду Мурзенке напоминать, что пускай Мурзенко сам по себе догадается и меня вспомнит. Мурзенко ж меня на речке трогал.

Надо понимать.

Потом я подумала, что за все-все люблю Мурзенку.

Потом я подумала, что, может, не надо полюбить, что, может, жизнь еще свое покажет и покажет.

По правде, мне всегда после Петровича, который на речке, хотелось полюбить мужчину, а не хлопца. Я себе такое наметила, я ж не знала, а то б конечно.

У меня получилось, что, когда мама уже совсем заболела, на праздник Первомая мне на нашей лозовой выписали грамоту как рабочей комсомолке (я была активная и имела хорошую ответственность – так в грамоте и записалось).

Конечно, у меня явилось хорошее настроение.

Я пришла домой и положила грамоту маме Тамаре на кровать, на одеяло, считай, под лицо – чтоб мама порадовалась тоже.

Грамота получилась красивая – наверху красные флаги с золотом, по краям – слова-слова о мире и дружбе, потом сделанные ровные линеечки, а на линеечках чернилами с хорошим отсветом фигурными буквами кто-то своей рукой вывел: “Товарищ Федоско М. И. в честь Первомая награждается грамотой за такое и такое!” А внизу росписи – директор лозовой фабрики тов. Фельдман М. А., секретарь партийной организации тов. Пелипенко И. Г., секретарь

комсомольской организации тов. Шипко Н. П., секретарь профсоюзной организации тов. Мурзенко В. П.

Конечно, на нашей лозовой первомайскую грамоту выписали мне не одной. Так и не всем-всем же. Я, конечно, на это обратила внимание мамы Тамары. Я хотела рассказать маме Тамаре про каждого с каждого моего товарища, который подписался на моей грамоте. Рассказать, какие мои товарищи хорошие, как хорошо помогают мне по работе.

А мама Тамара мне сказала:

– Божжжже, поможжжжи!

Мама Тамара взяла – раз! – и скинула мою грамоту с себя – на пол. По правде, пол в хате был чистый, моими руками мытый. Хоть и так, а зачем мама Тамара?

Я подня?ла свою грамоту и сказала:

– Мама, ты сейчас больная. Ты, может, не понимаешь себя. Я тебе, мама, все прощаю. И грамоту, конечно, тоже прощаю. Но это ж, мама, почетная грамота!

Я взя?ла гвозди и громко прибила грамоту с четырех углов над кроватью мамы Тамары.

И какое ж есть в человеке! Утром я пришла к маме Тамаре, чтоб помыть-покормить. Моя грамота на стене уже не висела. Грамота была уже заплеванная слюнями и лежала на полу. А мама Тамара ж тогда уже ложку до себя сама не доносила.

Пускай.

В 1960 году мне сполнилось ровно девятнадцать лет.

Тут на нашей лозовой открыли рабочую столовую. Людей на фабрике стало больше и забота про них, конечно, полагалась хорошая.

Люди рассказывали, что в других местах – возьми хоть суконку – столовую уже сделали. Рассказывали, что через столовую давали и продуктами тоже.

Люди между собой рассуждали, что если так сделают и у нас тоже, будет хорошо и даже правильно. Потому что ж люди не дураки, чтоб за свою живую копейку кушать чужой борщ, а еще и не узнаешь, с чего борщ наварился.

Я про столовую на нашей лозовой. Сама по себе столовая сделалась как комната без окошек с дыркой-раздаточной, в дырку виделся повар, плита на газу, кастрюли-миски, тарелки, чашки-стаканы тоже.

Конечно, я в столовую кушать не ходила. И, считай, никто с людей не ходил. А ходил директор, заведующие цехами, Мурзенко тоже ходил.

Хорошо получилось, что раз в неделю в столовой людям давали продуктами. Считалось, что как в магазине. Хоть, по правде, на базаре можно было торговаться и за лучшую цену.

Некоторые с меня смеялись, что я кушать не кушаю, а листок на дверях всегда читаю. “Меню” – это ж как красиво! С меню я узнала и другие слова. Про картошку – что есть такое, называется “пюре”, про мясо тоже много хорошего узнала.

Про котлеты я и дома знала, хоть мама их и не делала. А зачем колеты? Можно ж и так, и в борщ. Тем более мясо с нашей свиньи – и одной, и потом другой тоже – мама продавала. Кур не продавала, нет. Так то ж и не мясо, а чтоб получались яйца. Яйца мама тоже продавала – приходила тетка с базара, забирала. Когда уже курица не неслась, тогда, конечно, мама ее варила.

По правде, мне без мяса всегда еще лучше. Можно сало порезать, картошку, лук, пожарить. На сале вкусно и хлеб пожарить, и все-все.

Я еще когда в пионерах, так думала, что мама куркуль, что мама жадная. Мама ж продавала для денег, а не для жизни. Я ж видела своими глазами, что мы не

пановали.

У мамы зарплата была четыреста рублей, а за кило масла отдавалось шестьдесят. Конечно, мы на кило масло не покупали, а в магазине цена писалась на кило. Допустим, на кило покупался сахар за пятнадцать, гречка тоже – за двенадцать. У меня на цены всегда хорошая память. По правде, у меня на все-все, что считается, память хорошая.

Да.

Я с самого своего детства сильно-сильно любила хлеб с коркой, черный. Я до самой школы и не знала, что был и не черный, а белый. Черный против белого был дешевле аж на полтора рубля. Мама меня в магазин гоняла, я все-все про все знала. И про водку знала, что стоит шестьдесят, когда “Московская”.

Когда мне было девять лет, в наш класс пришла новая ученица. Ученицу звали Наташа. Она раньше находилась с родителями в городе Саратов, потому что ее папа был офицер. Мы все-все аж упали, когда Наташа пришла в класс. У Наташи вся-вся одежда была новая, красивая, и волос зачесан под шелковую ленту, и галстук пионерский – шелковый. У нас класс был все девочки. Тогда ж еще делили на мальчиков и девочек.

Я сидела на первой парте. Наша учительница Нина Романовна сказала мне, чтоб я от лица класса подошла к Наташе и пожала руку как подруге.

Я встала и пошла. Я дала свою руку, Наташа дала свою тоже. Я руку пожала, Наташа тоже. Потом мне захотелось обнять Наташу, чтоб еще больше подружиться. Я обняла и мне услышалось, что Наташа пахнула красиво-красиво. И я застремила к такому.

Вечером я спросила маму Тамару:

– Мама, зачем нам гроши? Можно ж купить и того, и сего... И одеться... И мыла пахучего...

Мама сказала:

– А бэз мыла з одэколоной вонько? Шоб я бильш нэ чула! Я зарабатваю! Мои гроши!

Конечно, мама работала и в хозяйстве, и на работе. Мама через две улицы напротив убирала на автобусной станции автобусы. Утром мама пошла, а перед днем уже и дома. Тем более мама ж не одна убирала, а в бригаде. Допустим, за автобус, там, конечно, гроши мамы. А за хозяйство – так и мои гроши тоже. На мне ж хозяйство, как не знаю что...

Ага.

Я про мыло.

Я сильно плакала и просилась у мамы. Я надеялась, что мама сейчас скажет, чтоб я не плакала, что мама мне купит.

Конечно, когда Фрося мне объяснила про мою родную маму, я по?няла, что мама Тамара не была курку?ль. Мама держала гроши для своей дочки. Ой, мама Тамара б накупила для своей дочки. А не накупила. И гроши сами по себе остались для меня. Фрося мне и доложила, где мама все-все прятала, и за свой честный доклад взяла по-божески.

Ага.

Я про столовую на лозовой.

Мне предложили пойти помогать на плетении. Мурзенко предложил как старший товарищ, который всегда уверенный, что я не подведу людей по работе. Конечно, я сильно хотела повиситься и согласилась.

Допустим, завтра я иду в цех, а сегодня было такое.

В столовой давали продуктами. Я пошла посмотреть, хоть мне и было не сильно надо.

На подходе мне услышалось, что женщины рассуждают про макароны. Я, конечно, макароны видела. И в магазине, и в столовой на раздаче видела тоже – вареные. Дома у нас макарон не всегда было. Потому что если у кого дома ели макароны с магазина, а не свою лапшу, того соседи и знакомые осуждали. Хорошая хозяйка подобного не допустит. А государство ж макароны делало. Получается, для кого-то ж макароны были намеченные. Женщины и рассуждали, что, может, взять. Тем более что макароны, считай, давали в руки зазря.

Макароны случаем намочились водой или чем – кухня ж, теснота. Потом, конечно макароны высохли опять, а получились уже не такие, не какие были. Которые стали комом, женщины брали в хозяйство – и курам покрошить, и намешать тоже хорошо. А были и не комом, а вроде с пятнами. По правде, не сильно-сильно, а так – ця?точками.

Другой скривится, а люди – нет! Не выкидать же еду! Допустим, начальство могло тихо списать по актам и взять себе домой, а не списало.

Конечно, я стала рядом с другими. Как пришла моя очередь – я сказала, что спасибо, и взяла с полкило макарон. Давали без денег, а на весах вешали – отчетность, так потому.

Надо понимать.

Я пришла домой и начала варить макароны. Мне люди раньше пояснили, так я накипятила воду в чугуне, давай кидать макароны. Кинула, сколько само по себе взялось. Посмотрела глазами, так получилась одна вода. В эту самую секундочку макароны для меня увиделись не как макароны, а как лоза. И цяточки увиделись, как на лозе. А это ж была не лоза, а макароны.

Да.

Я не хотела себе жалеть и опять кинула жменью. Я ж не знала, что с макарон вываривается сильно-сильно больше, чем было. Я ж думала, что не сильно.

Получилось, что я кинула все-все.

Мне раньше пояснили, что надо варить полчаса. Я сама себе решила, что буду мешать ложкой и пробовать на твердость. Оно ж должно быть мягкое, может, про полчаса люди напутали или сказали, чтоб проявить свое.

Полчаса идут и идут, я пробую и пробую. И все макароны мне твердые. Аж пока не стали мягкие, как клей с муки, когда мы с мамой клеили окна на зиму. Только я уже накушалась твердого. По правде, натолкалась. И получилось у меня в горле – вроде я варила не макароны, а лозу, и она мне поперек и поперек. И Мурзенко мне уже был поперек, хоть тачка его теперь у меня оставалась в прошлом, я ж шла в ученицы, а не куда.

И так мне захотелось, чтоб я этих макарон всегда на свете не кушала! Так захотелось! А назад же не плюнешь – меня не приучивали, чтоб еду переводить. Я себе решила, что пускай уже в животе макароны сами по себе доходят до хорошего места. И что так я макаронам даже еще обидней дам бой.

В эту самую секундочку я вспомнила про свою мечту.

Утром я написала заявление на лозовой и по-хорошему попросила, чтоб меня сняли с всех-всех учетов и уволили по моему желанию в один день. Конечно, мне как сироте пошли навстречу. Я сказала спасибо. И Мурзенке сказала спасибо, чтоб он не подумал про я не знаю что. Пускай.

Я наметила для себя ресторан при нашем вокзале.

У меня лицо само по себе красивое. Носик, конечно, подгулял, а красота от моего носика ни чуточку не испортилась. Мне про это многие люди говорят. Потому что у меня глаза большие и серые, с ресницами – такими-такими, лоб у меня тоже – не как бывает, а ровный, и щеки не торчат, и губы вроде вырезанные, и цвет у них под вишню, а кожа у меня вроде бархата – и на лице тоже.

Про бархат – это я рассказываю не от себя. Я всегда не выхваляюсь, а повторять человеческую правду – это ж никому не стыдно. Волос у меня – не весь черный, а

с рыжиной, густой и кольцами-кольцами. И плечи, как у панночки, в разворот. И ноги-руки прямые, а не тоже, как бывает у людей, кривые. Я сильно не люблю, когда руки возле локтей с вывертом, или бывает, что живот или что задница растёт от самого-самого колена, или что пальцы обрубками, или что шея. У людей же много что бывает. Я и не осуждаю. Люди сами по себе не виноватые. У меня рост в высоту красивый-красивый, не как у хлопцев, а высокий тоже. Люди ж бывают и карака?тые.

Когда мама Тамара умерла, Фрося рассказала мне про деньги. Я ж уже говорила. Так я решила, что когда-то куплю с этих денег материю и пошью у дорогой портнихи. Я и купила, и пошила. Допустим, у меня через месяц восемнадцать лет, а я – раз! – возьми и пошей. Я ездила на автобусе аж на другой конец Чернигова – к известной портнихе. Портниха Симкина Любовь, улица Коминтерна, дом двадцать один. Я и раньше шила, а не такое.

Портниха Симкина пошила хорошо. Пошилось такое – юбка, два платья и сарафан тоже. Юбка получилась шерстяная черная, под пояс, я попросила, чтоб пояс сильно-сильно затужить. Одно платье – шерстяное зимнее, рукав три четверти, бутылочное, и одно платье летнее – в клетку, веселенькое, тоже под пояс, сарафан пошился сам по себе простой, не простой, как ходят в селе, а модный. Я еще когда материю несла, мечтала, что под платье куплю настоящую комбинацию. С кружавчиком на все-все груди. У меня раньше носилась, как у других, – рубашка с полотна. Хоть полотно и тонкое, а полотно. Это разница. Была у меня и с батиста тоже, на шлейках, а не как рубашка. Мне Фрося подарила с своим поздравлением на шестнадцатилетие.

Портниха, когда еще мерку с меня снимала, хвалила мне фигуру. Я сказала портнихе спасибо.

Взяла портниха дорого, а мне не жалко. Я себе наметила, что на себя жалеть всегда не буду.

Да.

Пальто у меня не было. По правде, было, а не хорошее. Считай, что обносок, еще и перелицованный. Я себе наметила, что пальто пошется потом. Туфли тоже купила, в Киев поехала и купила – на каблучке, черные. За черными лучше

следить, и подмазать можно, и все-все. И сумочку в Киеве купила – носить ручками на руке возле локтя?. У нас в Чернигове некоторые женщины так носили. Я в кино тоже видела, и в журнале.

Я про ресторан.

Была осень. Я пошла устраиваться в шерстяном платье, в туфлях. Я про пальто придумала так – в двери зайду, пальто скину на руку, никто и не посмотрит. А посмотрит на платье и на туфли, на мою фигуру и на лицо тоже.

Прихожу на улицу Вокзальную, дом один. И иду с того хода, который от ресторана сзади. Оно ж видно – и ящики, и мужчины рядом перекур делают, и женщины ведра носят, а сами одетые в белых халатах и в фартуках тоже.

Я еще на подходе пальто скинула – и – раз! – в двери. Никто на меня и не глянул.

Я – дальше.

Вижу – на двери написано, что “директор”.

Я постучалась два раза. Получилось, что тук-тук.

Женским голосом оттуда позвалось:

– Заходьтэ!

Конечно, я зашла.

Даже удивилась, что получился закуток-закуток, стол тоже, на столе поставлена пишмашинка. На стуле было пустое место.

Двери в другой закуток были открытые. Я зашла и туда тоже. Там тоже получился стол, хоть и без пишмашинки. На стуле сидела баба – сама по себе селючка-селючка, в ху?стке, в пиджаке вроде с плеча мужа, а ниже мне было и не видно, и ничего.

Селючка у меня спросила:

– Ты до ко?го, дивчина?

Я как приготовила, так и говорю:

– На работу до вас хо?чу. Ось мои докумэнты.

Я всегда так. Допустим, человек до меня говорит по-русски, и я до человека по-русски. Человек до меня по-украински, я тоже ж.

Баба взяла мои бумажки – а там и паспорт, и все-все.

Баба положила мое все-все возле себя и спросила, или я на кухню.

Я, конечно, ответила, что почему на кухню?

А баба мне свое и свое:

– А нам трэба на кухню – казаны, сковороды, тарилкы?, такэ-сякэ... Можна и на картоплю, моркву, такэ-сякэ – у нас машина чистыть, тилькы трэба доколупувать...

Конечно, я сказала, что нет, что мне надо в официантки.

Баба уткнулась глазами мне в груди.

– Официя-я-я-янткы-ы-ы... Гадаеш, тоби там мэдом будэ намазано?

Я слушала и молчала, а баба мне не молчала.

– И плаття в тэбэ годяще, и черэвыкы... А руку порэпани. Дэ працювала?

Я призналась про лозовую фабрику. А и не укроешь – мои ж бумажки находятся возле бабы.

Баба дала мне приговор:

– Або на кухню, або нияк!

Конечно, селючка, хоть и взяли в такое место, мне позавидовала. Она ж у меня и платье отметила, и туфли, и все-все. А взяла – раз! – и за руки уколола. Понятно ж, что позавидовала моей красоте и годам, так потому.

По правде, я и не надеялась, что в секундочку кто-то выйдет и мне своей щедрой рукой скажет. Но и так тоже не сильно хорошо.

У меня настроения совсем-совсем не стало. Я пошла от вокзала своим шагом – вперед и вперед, не оглянулась, ничего.

У меня в голове крутилось, что так случается в жизни человека, что никто ему совет не подаст и помощь тоже.

Я не ругала себя за то, что неправильно рассчитала свое положение.

Потом я себе решила, что как-то ж оно будет! Где-то ж мне мэдом намажут!

Ага.

Я не хотела толкаться в автобусе, чтоб не спортить себе туфли. Конечно, много идти в туфлях – тоже было неправильно с моей стороны. Тогда я выбрала, что сейчас буду идти и ступать осторожно.

Мой дом находится через весь город от вокзала, если на автобусе, так получается двадцать минут, в самом конце улицы Шевченко. А на Шевченко, дом пятьдесят семь, у нас в Чернигове находится Дом офицеров, он там еще с до войны. Дворец получился на два этажа, по своему цвету желтый с белым, середина у дворца выходит наперед, а с боков – продолжается.

Я много смотрела на Дом офицеров. Конечно, не с самой близи, а через решетку, старую-старую, решетку сделали с железа в рисунок, там получились листья и похожее. От ворот до дверей входа было большое расстояние, клумба посередине, по самым краям двора насадили деревья и кусты тоже.

Я уже слышала от подруг на лозовой, что у офицеров и танцы по праздникам и выходным устраиваются и что пускают с улицы. Наши некоторые ходили. Конечно, девушки ходили знакомиться, а не танцевать.

Надо понимать.

И картины в Доме офицеров показывали. Тоже приходили с улицы, кто хотел, как в просто клуб или кинотеатр, по билетам, в воскресенье по рублю старыми, считай, по десять копеек новыми.

В ту секундочку я про это вспомнила ни почему.

Я стала и начала смотреть и смотреть клумбу с цветов. По правде, цветов у клумбы уже не было. Допустим, если б садились мальвы, так хоть что-то б от мальвов было. В городе мальвы не са?дятся, в селе – да, а в городе нет. У цветов есть разница тоже. Цветы, которые называются “астра”, “флокса”, “пион” тоже, такие са?дятся у клумб. У нас в Чернигове возле Красной площади садится целый календарь с цветов “анютины глазки”. Мне нравится. У календаря вянет тоже.

Да.

Потом с ворот офицеров вышел хлопец. Хлопец был не офицер и даже не военный. В руках у хлопца неслась фанерка с бумажками. На таких фанерках люди пишут про что “требуется”.

Меня взяло – раз! – и повело до этого хлопца. Допустим, меня повело не до хлопца-хлопца а до бумажек.

Тут хлопец зацепил фанерку на нужном месте под стекло и пошел дальше назад.

Конечно, я прочитала, что Черниговскому Дому офицеров на постоянную работу требуются электрик четвертого разряда, подавальщица в буфет тоже.

Я аж закричала в спину хлопцу:

– Мужчина! Возьмите меня!

Получилось удачно, что хлопец от меня еще не ушел далеко-далеко.

Хлопец повернулся до моего голоса и сказал:

– Визьму! Йды сюда!

Хлопец показал мне своей рукой, чтоб я шла сюда. Я подумала, что у людей же бывает и туда тоже. Это разница. Я разницу всегда понимаю.

Ага.

Я пошла и в ту же секундочку спросила у хлопца:

– А в подавальщицы кто у вас разрешает?

Хлопец засмеялся, потому что, конечно, подумал смешное. Я ж крикнула хлопцу, чтоб мужчина меня – раз! – и взял. А это ж замуж берут или даже так. У меня слова вырвались от волнения.

Я подумала, что пускай, и сама себе засмеялась.

Хлопец привел меня на первый этаж Дома офицеров. В самом углу коридора, по красной дорожке, на двери прочиталось: “Начальник Дома офицеров”. Мне стало не сильно хорошо, я вспомнила про вокзал, так потому стало. Я себе решила быть смелой и гордой. Тем более я уже давно знала, что у людей так закаляется жизнь.

Хлопец мне сказал:

– От тут наш товариш начальник Осипов. Спочатку до нього, вин вже направить.

Хлопец открыл двери и по-товарищески толкнул меня дальше и дальше. Конечно, хлопец не посчитал, что я в эту самую секундочку подумаю про пальто, что пальто надо перекинуть через руку, а потом уже пойти дальше и дальше. И получилось, что я толкнулась к начальнику в пальто. У меня еще в голове пролетело, что там же не сразу начальник, что положена секретарка, что я успею. А секретарки на месте опять не было.

Случилось, что я не успела. Хлопец толкнул меня на другую дверь. И я стала перед товарищем Осиповым в своей обдергайке.

Осипов, хоть был в офицерской форме, а поздоровался со мной как человек:

– День добрый! Проходите, садитесь!

А у хлопца Осипов спросил:

– Дмитро, это кого ты такого красивого привел?

Разговаривал Осипов по-русски. То есть не так по-русски, как люди разговаривают у нас в Чернигове, а совсем-совсем по-другому. Наташа, которая моя подруга в классе, которая приехала в Чернигов с Саратова, говорила похожее. Допустим, Осипов и Наташа разговаривали по-русски как радио. Только радио разговаривало не так вольно, как Осипов и Наташа тоже.

Мне сильно нравится слушать радиопостановки. Я всегда слушаю киевские имени Леси Украинки и имени Ивана Франка тоже. Имени Ивана Франка – это получается постановки по-украински. Я Наталью Ужвий всегда не путаю. И других артистов не путаю тоже. Мне больше нравится слушать по-русски – это когда имени Леси Украинки.

Конечно, по-украински мне нравится тоже. Только по-русски слова получаются как новые, если равнять с теми, которые, допустим, есть в Чернигове. По правде, некоторые не равняют.

Да.

Еще когда в школе, учительница по русскому Клара Семеновна мне говорила, что у меня сильно хороший слух на звук. Клара Семеновна выхваливала меня, что я умею перенимать. Тем более что моя школа была русская, такая школа была новая, через две улицы, а дома я, конечно, говорила на украинском, и на улице тоже. А русская школа, потому что Клара Семеновна сама по себе была москвичка, а в Чернигов попала с своим мужем. Муж у нас в Чернигове служил в госпитале, который над Стрижнем, там давно была семинария для попов. Врач-хирург Абрам Исидорович Пекарь. Клара Семеновна рассказывала перед классом, что у мужа ордена и медали, что муж награжденный советским правительством за спасение жизни бойцов и офицеров.

У Клары Семеновны фамилия была тоже Пекарь. А получилось, что в нашем классе училась Пекарь Валентина. Конечно, Пекарь Валентина была украинка. И фамилия у Пекарь Валентины была украинская. А пришла Клара Семеновна и тоже сказала, что сама по себе Пекарь. И в классе всем-всем понялось, что Клара Семеновна хоть и Пекарь, а еврейка. Первое. Она ж Клара. По правде, Клары есть и Лучко, и другие тоже. А про Клару Семеновну понялось. Второе. Это был уже четвертый класс, и все-все знали много. Хоть и не твердо, а знали. Я не про только евреев, а даже про жизнь между мужчиной и женщиной. Конечно, потом я узнала еще больше.

Да.

Я сейчас про то, что в четвертом классе и про евреев знали тоже.

Я про себя тогда не знала и вместе смеялась, когда в классе называли фамилию Пекарь с порченной буквой “р”. В моем классе были и Цивнер, и Ровнер, и другие фамилии учениц с “р”. Про них никто и не прятал, что они еврейские. А Пекарь – это ж должна быть украинская, а получилась Клара Пекарь и Абрам тоже. Потому и смеялись.

В нашем классе были и фамилии без “р” – например Си?ниц. Конечно, такое смешно тоже.

Да.

Клара Семеновна меня сильно любила.

Клара Семеновна мне говорила:

– Ты, Машенька, способная. И нечего тебе на тройках кататься! Тебе, Машенька, надо усидчивость подтянуть – и – раз! – возьмешь и выйдешь в отличницы. Такие, как ты, обязательно выходят.

По правде, у меня в школе успехи шли плохо. Первое. Мне больше нравится моя левая рука. И писать, и все-все. Мама Тамара заметила за мной такое с рукой давно. Мама мне сказала, что левая рука у человека – это баловство. Что человеку надо все-все делать правой. Что у меня не все как у человека. Мама, когда видела, что яставляю левую руку в работе и возле стола вперед по сравнению с правой, всегда меня стусала. Я сильно старалась и дома, и в школе тоже. Считалось, что у меня получилось. Пускай.

Про что мама Тамара меня стусала.

У мамы Тамары был день рождения, еще давно. Так мама меня тогда не стусанула, а тяжело-тяжело ударила.

Получилось, что у мамы в руке была сковородка, не с огня, а только чтоб на огонь поставить, деруны жарить с шкварками. А я шкварки всегда люблю, и тогда любила тоже.

Конечно, мне не надо было с мыски брать целую жменю шкварок. Шкварки ж не для того делались, чтоб я все-все в присест поела. А и сковородкой по голове человека тоже ж не надо было. Тем более матери.

Я еще от Фроси про себя не знала, потому обиделась на маму.

Да.

Это я потом, через сколько-то секундочек обиделась. А в ту самую секундочку я – раз! – взяла и упала без чувства сознания.

У меня голова от сковородки совсем-совсем не повредилась, хоть такое могло случиться. Я подумала, что моей голове даже хорошо сделалось, голова закалилась.

После сковородки у меня всегда в голове бывает птица. Конечно, понарошку, а не по-настоящему. Я ж не психическая.

У меня в голове птица бьется, как курица без своей головы. А у моей птицы голова всегда есть. Я ж моей птице голову не откручивала и не отреза?ла тоже. А кто б еще в мою голову залез? Птица потому.

Да.

Клара Семеновна спрашивала меня про мою маму, про моего папу, про что я помню с своих самых первых лет.

Я рассказывала честно, что ничего-ничего не помню, что помню только свою маму.

Про маму и рассказывала. Конечно, про стусаны?

не рассказывала, нет, а про материнскую любовь и заботу – да.

Клара Семеновна и домой до нас приходила – знакомиться с домашним положением для меня как ученицы.

А два раза Клара Семеновна приводила в гости в свой дом меня и мою хорошую подругу Наташу.

В первый раз был обед с трех блюд – рассольник, гречневая каша с котлетой и компот. У Клары Семеновны была посуда, называется “сервиз”. Красиво. Немецкая. И вилки-ложки с выдавленным на ручках, тяжеленные. Конечно, это не главное в жизни у каждого человека.

Кушала Клара Семеновна тоже красиво, маленькими-маленькими кусочками. Мне понравилось. Я наметила себе так кушать тоже.

Второй раз был тоже обед с трех блюд – щи, жареная картошка с колбасой и компот. Мама колбасу не покупала, потому что это баловство, а щи у нас в Чернигове не варят, для еды есть борщ.

Клара Семеновна мне и Наташе рассказывала про многое. И про Москву тоже рассказывала – даже про цирк. Мне понравилось.

Получилось, что муж Клары Семеновны пришел на обед тоже. Допустим, я и Наташа пришли в гости, а муж пришел в свою квартиру.

Мы уже покушали, так муж на кухне покушал один.

Потом муж разговаривал про профессию. Я сказала, что не знаю. А Наташа сказала, что не знает тоже.

Муж сказал, что в жизни есть много, что муж сейчас возьмет и научит завязывать шнурки. Сказал, что девушкам в жизни пригодится хорошо уметь завязывать.

Муж у Клары Семеновны хирург, и узел у него был такой же, называется “хирургский”. Сначала делаешь так, потом так, потом так, потом берешь два конца – раз! – и затуживаешь. Если не будешь развязывать, хоть шнурки, хоть что, – останется навсегда. Конечно, можно и развязывать. У меня получилось в ту же самую секундочку, я потом повторяла и повторяла. Наташа не повторяла, а сначала у нее тоже получилось.

Я когда завязывала, так Пекарь смеялся, что я завязываю с левой руки. Пекарь сказал, что я не как все, а наоборот.

Да.

Клара Семеновна мне обещала, что я буду говорить по-московски. Я сильно-сильно старалась. Я, где надо, так тянула букву “а”, а где надо, глотала все-все буквы в себя.

Клара Семеновна так и просила у меня:

– Глотай! Сейчас – глотай!

Конечно, я часто сбивалась. Оно ж если, допустим, другие не тянут букву или тем более не глотают, так бывает тяжело. Еще была буква “ч”. Клара Семеновна мне своим ротом с языком показывала, как надо хорошо говорить – “што”, а не “шо”. А еще ж была буква “г”, буква “щ” и “в” на самых концах слова. И другие буквы тоже.

Еще у меня было. Допустим, у человека имя. Некоторые говорят про человека, что он. По правде, у меня язык застревает говорить про человека, что он. Про что она – застревает тоже. Я про себя могу говорить, что я, что мне, что меня и похожее. Я ж про себя знаю, что я Мария и она – тоже Мария. А про других такое еще надо сложить в голове. Еще ж есть – его, ему. Еще есть и похожее про человека-женщину. У меня в голове получается, что человек всегда тут, а он-ему-его – там. Конечно, я стараюсь. Есть же еще и оно. Такое говорится про все-все, за таким нету человека-мужчины, человека-женщины тоже.

Надо понимать.

И в эту секундочку в Доме офицеров мне вспомнилось про Клару Семеновну.

Я сказала, как меня учила Клара Семеновна:

- Тааваарищ Ооосипаавв! Я меччтаю, шшштоб вы меня взяли на рааботу нааа праизводства! Я правда, я мааагу пдавааальщицей!

Я еще когда только сказала первое слово, сразу расстегнула пальто, скинула на стул впереди себя и выпрямилась-выпрямилась. Аж у меня в спине закружилось. А потом плечами так сделала – и груди под материей крутанулись туда-сюда. Про это меня никто не учил, я сама по себе.

По правде, я туда-сюда – сделала не для Осипова и не потому что уже узнала про жизнь. Я сделала лично для себя.

Я уже давно заметила, что у меня груди любят материю. Тем более – когда шелковая комбинация с кружавчиком, кружавчик же цеплючий. Кружавчик или просто материя груди трогает, и на них получаютя вроде фасоли. А это ж бодрость и стремление! А мне стремление в такую минуту сильно было надо.

Допустим, я всегда хожу в лифике. А в ту самую секундочку я пришла без лифика. Я сначала забыла, а потом уже так.

Осипов смотрел на меня двумя глазами, смотрел на платье с фасолями на грудях и на лицо тоже, на рот, с которого сами по себе шли московские буквы.

И глаза у Осипова стали как у Мурзенки.

По правде, я себе в эту секундочку решила, что у Осипова глаза получились не нахальные. У Мурзенки ж были нахальные. Так у Мурзенки все-все было нахальное.

Да.

Когда рассказывать, так будет долго-долго. А я говорила все-все, что сказала, скоренько-скоренько. Раз, два, три, четыре, пять – раз! – и у меня взялось и сказалось.

Я замолкла, а Осипов, напротив, засмеялся. Смех у Осипова был не как веселый, а как другой. С подхрипом, вроде в горле у Осипова сильно высохло, а смеяться ж человеку надо.

Я засмеялась человеку навстречу. Человек смеется, и я тоже. А перестал смех разом – и у меня, и у Осипова.

Осипов стал опять начальник и сказал:

– Давай документы, веселуха. Знакомиться будем.

Я раньше такого слова не знала, называется “веселуха”. Конечно, такое слово мне понялось. Я мотнула головой, чтоб выразить свое спасибо за мою справедливую оценку.

Я и правда всегда веселая, бойкая, когда с людьми. Люди ж не любят, когда с людьми по-другому. Люди думают, что если у тебя не настроение или, допустим, горе, или еще, так что это все-все перейдет на людей. Это неправильно. Я свое на всех всегда неставляю.

Да.

Я взяла с своей сумочки все-все свои бумаги, которые документы. Положила не на стол, а дала Осипову своими двумя руками в личные руки Осипова.

Я когда уже давала, мне вспомнилось про селючку в ресторане.

Конечно, я подумала, что руки у меня от лозовой хуже платья, что вдруг Осипов отметит и даст отказ, что я, если так, скажу, пускай меня испытают – через неделю с рук все ципки уйдут и будет бархат.

А Осипов мои документы взял вместе с моими руками и так пожал – своими двумя руками вместе, вроде надавил на помидору с боков, чтоб брызнуло. Осипов на мои ципки не смотрел.

Да.

Осипов, когда уже выпустил мои руки с своих, положил документы на стол, сел и начал брать один за одним – метрику, паспорт, комсомольский билет, трудовую книжку, хорошую характеристику с места работы на лозовой.

Осипов все-все прочитал от самого начала.

Осипов спрашивал и то, и то. Про отца спрашивал, про маму тоже, про где живу, про лозовую, про почему ушла. Я честно рассказала про каждый вопрос. И про маму рассказала. Пускай не честно-честно, зато правду, какая получилась по

документам и по моей жизни.

Осипов как узнал, что я уже совсем-совсем сирота, пожалел меня.

Осипов сказал, что за мое сиротство будет мне помогать.

Я подумала, что Осипов с людьми человек на всю жизнь.

Осипов позвонил по телефону человеку. А телефон не ответил Осипову. Тогда Осипов взял и сам повел меня в отдел кадров.

Еще когда мы пошли, Осипов когда-то – раз! – и останавливался.

Осипов остановится идохнет на воздух:

– Фуууу...

Я, конечно, слышала “фууу” Осипова. Я подумала, что, может, человек устал от работы, что человек дает себе отдых. Даже для поддержки настроения улыбалась, когда Осипов так делал.

А потом Осипов, еще до отдела кадров, рассказал мне, что на войне Осипов контузился, что теперь Осипов так продыхивается.

Я, конечно, уже не улыбалась, а поворачивалась, вроде смотрела в угол или в стенку.

С Осиповым люди, которые тоже шли, здоровались, кто как.

Кто:

– Драстуйтэ!

Кто:

– Доброго здоровья!

А Осипов всем-всем:

– День добрый!

В Чернигове такого не было. “Добрый дэнь!” или “Добры?дэнь!” – я, конечно, всегда слышала и сама говорила тоже. А чтоб слова оказались оттуда сюда, а не отсюда туда – нет. Я себе решила, что буду говорить тоже оттуда сюда. Я не потому, что я уже придумала подлизываться к Осипову. Это было красиво, так потому.

Когда мы с Осиповым шли, я для уважения сказала Осипову, что, может, надо присесть на стул, хоть прямо тут, наставились же стулья возле стенок для кого-то, так почему для здоровья человеку не присесть. Осипов не присел. Конечно, Осипов военный, тем более в форме. Я замечала, что военные в автобусе всегда не садились, а всегда стояли, даже если было куда сесть. Форма их до этого не допускала. И такое все уважали.

Осипов тоже себя не допускал. Тем более Осипов работал начальником в Доме офицеров. На такую ответственную должность кого-нибудь не поставят, а Осипова поставили. Люди так и говорят, что враг мимо всегда не пройдет.

Это Осипова слова – про что враг не пройдет. Осипов сказал, когда объяснял про солдата на входе, про которого я спросила, чтоб показать себя.

Конечно, я спросила про врага и про куда врагу надо.

А Осипов мне сказал:

– У нас тут, Мария, режимный объект. Вход рубль, выход – два. Военные и тому подобное. А есть еще такие люди, кто захочет навредить, попробовать вывести пусть не тайну, а хоть мелочь, чтоб зацепиться и вредить дальше. Вот они – враги. И мы все должны стать на их пути. Понимаешь?

Конечно, я ответила, что все-все понимаю, что буду стараться-стараться.

В отделе кадров прямо все-все, получается, две женщины, встали, когда Осипов вошел, и я тоже.

Осипов шепотом сказал слова одной женщине. Одна женщина пошла и привела одного мужчину в форме.

Осипов выпустил меня вперед себя и сказал мужчине и женщинам тоже, что просит товарищей оформить Федоско Марию на место подавальщицы в буфет под его поруку, что меня проверят своим чередом.

Осипов сказал одному мужчине:

– Ты как, Петр Леонидыч, не против поддержать сироту? У нее каждый день копеечку просит.

Один мужчина сказал, что пойдет на такое.

В ту же секундочку меня начали оформлять. Для самого-самого начала мне сказали, чтоб я в госпитале взяла справку у врачей про мое хорошее здоровье для работы среди продуктов и людей. Я всех-всех заверила, что здоровье у меня хорошее.

Меня записали на должность подавальщицы и сказали, что все. Тогда Осипов пожал мне руку и попросил одну женщину, чтоб женщина меня отвела в буфет.

По правде, я в таком дворце раньше не была. Лестницы снизу и наверху, дорожки расстеленные, двери на все-все стороны – высоченные, под самые потолки, а на потолках повешенные люстры, даже на стенках люстры тоже, хоть и маленькие против которые на потолках. А стенки были покрашенные на два цвета. От пола до середины роста покрасилось в зеленое, а потом покрасилось в белое, не белое-белое, а с подмесом. И окон было много-много, на окнах были навешаны занавески, тонкие, собранные в складку, чтоб красиво. Между окнами сделали вроде выямки и обкрасили золотым. В самих выямках наставили деревянные вроде чугуны с растениями и цветами вплоть до роз. Конечно, я подумала, сколько ж надо ведер, чтоб полить все-все.

А в одном расстоянии между окнами, выше выямки навесили картину. Я нанизу скоренько-скоренько словила буквы. Там было про Николая Щорса и Гражданскую. А на картине показали, как воевали с петлюровцами в Чернигове на мосту. Кровь с всех течет, все стреляют и саблями рубят-рубят. Щорс уже весь-весь в бинте. У Щорса и голова, и рука в бинте тоже. А Щорс сидит себе на коне, держится, не дает показа перед лицом врага про свою боль, а может, и смерть.

Щорс мне всегда нравился по красоте. У нас в школе висел портрет Щорса как героя революции на Украине.

Да.

На картине нарисовали и людей тоже, не солдат, а так. Особенно мне понравилась одна женщина, как женщина смотрела на Щорса. Сама чернявенькая, глаза большие, как у меня тоже, на косах, какие плетут, чтоб только быстрее с хаты, – хустка, сама по себе уже спа?дывает. А женщине и ничего. Женщина – раз! – и уже влюбилась в Щорса. А Щорс не знает про такую любовь. Щорс сидит, героится для всех-всех, и для женщины, получается, тоже. А женщина б кинулась к Щорсу, с коня свела, в хату свою привела

У меня есть такое. Допустим, мне когда увидится, я – раз! – возьму и запрячу в свою голову. Когда оно уже в голове, можно ж придумывать про которое увиделось и то, и другое.

Да.

Мы с женщиной пошли по лестнице наниз. Женщина мне сказала, что там будет полуподвал.

У нас в классе были такие, кто жил в полуподвале. Конечно, если кто живет в полуподвале, людям получается обидно. А в Доме офицеров это, считай, первый этаж. Когда мы с женщиной пришли в полуподвал, мне понравилось.

С самой секундочки, как устроилась, я себе решила, что все-все люди, которые работали у нас в Доме офицеров, стали моя семья.

Потом я подумала, что и дома ж не бывает, чтоб все были твоя семья. И дома встречаются такие, которые тебя б с по?трохом скушали. Моя мама Тамара меня б скушала? Скушала б.

Да.

Про буфет у офицеров я скажу, что это не лозовая с дыркой для раздачи всего на свете хоть кому. Пускай и полуподвал – а все тут устроено! И окна наполовину, а большие, и столы с скатертями, на них поставленные соль и перец тоже. У нас у мамы Тамары и на лозовой тоже перец не был, потому что это ж баловство. Человеку перец не нужен. Соль – да. Без соли человеку никуда.

Конечно, я раньше ресторан совсем-совсем не знала, а мне в моей голове понялось, что в Доме офицеров сделалось даже лучше, хоть и буфет. Обязательно лучше! Тем более я подумала про ресторан на вокзале, что там для проезжающих, а для таких хорошо стараться никто и не захочет. А тут не для проезжающих, а для советских офицеров.

Да.

Потом я еще расскажу про буфет. В эту секундочку главней доведу про Осипова.

Осипов полностью был Александр Иванович, по званию майор.

Я подумала, что Александр Иванович не молодой, а и не старый тоже. Лет, может, сорок. Такой возраст у мужчин я отличаю. Если, допустим, больше, так я считаю, что это уже старый. А Осипов мне увиделся как не старый.

Конечно, Осипов получился контуженный, а как для военного офицера такое было и у других тоже. Я сама видела, что на базаре за рядами собирались сильные инвалиды – у кого без ног, у кого без другого. Были и такие, кто без всего – опе?цьки, одно ту?лово. Страх!

Лицо у Александра Ивановича было красивое – круглое, и глаза круглые, синие, и брови круглые тоже – на весь глаз. Голос тоже вроде круглый – ровный, без крика и сбива. Рассказывает и рассказывает. А волос у Александра Ивановича как солома и на цвет, и на вид. Чуб у Александра Ивановича падает наперед и падает, падает и падает. Рост у Александра Ивановича высокий. Я свою голову поднимала, чтоб получиться в глазах Александра Ивановича. А мой рост тоже высокий, конечно, как для женщины-девушки. Я ж уже говорила.

Я когда Осипова встретила, я подумала, что у меня на лозовой в голове перевернулось неправильно-неправильно. Мурзенко ж был Петрович, так я потому и сбилась. Осипов был не Петрович, а Столяров по правде. Конечно, у меня народилась мечта к Александру Ивановичу.

А па?хнул Александр Иванович красивым мылом, как Наташа тоже.

У Александра Ивановича еще был одеколон. У Мурзенки одеколona не было.

Да.

У Мурзенки было, что Мурзенко сильно па?хнул водкой и селедкой тоже. Мне было обидно, хоть Мурзенко пахнул не каждый день. Допустим, что водка. Пускай. А про селедку, так можно ж закусывать хлебом с колбасой. Салом можно. Некоторые закусывают луком. По правде, тогда пахнет тоже. Некоторые все-все кусают с целого, и селедку. У Мурзенки и руки тоже пахнули селедкой, так я потому про что закусывают с целого. А можно ж все-все красиво порезать и – раз! – положить на тарелке.

Надо понимать.

Я про одеколон.

Я про одеколон у Александра Ивановича доподлинно не знаю.

Я, когда в Киев ездила за туфлями, так в магазине на Крещатике был называется “аппарат”. Туда люди кидали кто рубль, кто рубль пятьдесят старыми, и тогда людям делался один пшик с одеколона. Я запомнила про что называется “Шипр” и “Полет”. Про “Красную Москву” я запомнила тоже.

Получилось, что я наметила себе “Красную Москву”. Я взяла – раз! – и кинула рубль. За рубль у меня “Москва” не получилась, а получилось другое. Оно ж надо было кинуть для “Красной Москвы” рубль пятьдесят, а я на себя вроде пожалела.

Да.

Перед первым днем на работу в Дом офицеров я не спа?ла. Сон до меня не шел и не шел.

Я для снов и теплое молоко выпила. А снов нету, только сколько-то выбегала за маленьким на ведро – от молока. Это у меня всегда на все-все такая ответственность.

Потом я для снов зажмуривалась и зажмурвалась до самых мух. Мухи у меня получились и в глазах, и в ушах тоже, а сны – нет.

Потом я сказала мухам, чтоб они – раз! – и прошли.

Мухи мне сказали, что они мне не враг, чтоб пройти.

Потом я подумала, что мухи мне неправильно-неправильно напутали-напутали, что мне враг не пройдет, что мухи мне пройдут, что я не знаю что

Я встала на ноги в пять. Мне назначилось приходить на работу в восемь. Допустим, можно было встать и в семь. А я встала. Оно ж и причесаться, и одеться, и все-все.

У меня обязанности по должности подавальщицы в буфете-столовой ресторанного типа получились такие.

Первое. Взять на кухне на поднос и вынести в зал кто что попросит. А люди всегда знали, что просить. На стенке для людей висело меню. Можно было попросить тоже. Ты попроси, и тебе хоть яичницу зажарят, и картошку, и другое тоже зажарят.

Допустим, я вынесла на подносе, выставила на стол, а потом уже надо занести на кухню.

А было еще и до принести-унести.

Буфет открывался для работы в девять. Мне полагалось приготовить зал – в Доме офицеров была ж не комната, а зал: постелить скатерти, насыпать соль-перец, поставить красиво стулья вокруг столов, посортировать посуду – тарелки для первого – к таким же, другие – к другим, стаканы тоже и чашки, и блюдца, и вилки, и ложки. И ножи были для еды, мало, а были, потому что у офицеров, конечно, были и такие, которые просили, чтоб сами себе резать в тарелке.

Раньше в буфете был не буфет-столовая ресторанного типа, а буфет. В буфете продавался чай, какао, компот, кофе тоже. Было еще такое – привозная выпечка в ассортименте, холодные закуски. Первое блюдо не делалось, второе тоже. По правде, и компот привозился.

Год тому на работу в Дом офицеров назначился Александр Иванович. Александр Иванович пояснил своим начальникам, что сильно любит работать по-новому, и попросился устроить в буфете новое. Александру Ивановичу пошли навстречу.

Про это мне, когда я еще устроилась на место, рассказал повар Степан Федорович, мужчина, по возрасту такой, как Александр Иванович.

В буфете была Нина. Нина на кухне мыла посуду, и кастрюли мыла, и все-все. Нина была на вид сама по себе баба, и по возрасту тоже.

Буфетчица была Катерина, по возрасту лет сколько-то за тридцать.

И одна, и другая были толстые. Нина толстая вся-вся. Катерина толстая только животом и грудями, а лицо у Катерины было худое, руки с ногами тоже. Мне такое всегда смешно. Конечно, я перед Катериной не засмеялась. Я подумала, что у Катерины сало в дальнейшем не проталкивается и не проталкивается.

Катерина была главная в буфете. Не как буфетчица, а целиком. К Катерине люди и работники обращались с уважением как до начальника.

У Нины была закрученная черная коса. У Катерины была желтая завивка. Катерина на лицо была похожая на артистку... Эту... Которая... Так у той артистки против Катерины нос не курносый и рот меньше тоже.

Возле повара Степана Федоровича работала Галина, картошку почистить и разное. Галина была тоже женщина, только толстая меньше Нины с Катериной, и по возрасту, допустим, пятьдесят лет. На лицо Галина была селючка.

Да.

Я еще когда устраивалась, увидела, что работы не сильно много – оно ж не столовая в городе.

Потом начался обед.

В зал пошли заходить люди. Люди были военные и другие. Катерина мне рассказала, что другие военные тоже. Кто-то кушал, а кто чай пил или что и не кушал ничего. Допустим, кто-то пил чай с выпечкой и закуской.

С работников нашего Дома офицеров тоже заходили. Такие не кушали. Оно ж за обед надо было платить, а кипяток и заварка давались бесплатно, а сахар можно принести с дома или пить, допустим, без сахара. Потому получалось, что наши работники кушали в комнатах, где каждый работал, а чаем шли запивать в компанию. Это мне тоже рассказала Катерина для моего опыта.

За обед брали мало, еще меньше, чем на лозовой, хоть на лозовой считалась рабочая столовая, а здесь для офицеров и не столовая.

А офицеры, которые у нас кушали полный обед, это бессемейные, у таких получалось много денег от зарплаты, таким было хорошо кушать в столовой, а не связываться, чтоб покупать и варить, а потом еще и с мойкой возиться тоже. Конечно, бессемейным давался обед и по месту работы. Потому бессемейные и другие заходили не как на обед, а как в ресторан с товарищами. Конечно, это разница.

Как для меня, у нас в буфете самое хорошее было вода. Лей воду саму по себе, лей, никто тебе и слова замечанием не скажет. По правде, работники лили сколько надо по работе.

Еще у нас в Доме офицеров была уборная в самом Доме офицеров, на первом этаже и на втором тоже. Уборная получилась на две двери, так – для женщин, так – для мужчин. В уборной и вода, и рушничок, и газета порезана ровно, и зеркало. Мне понравилось.

Есть люди, которые по виду не слепые, а не слышат. Конечно, такие люди своими глазами и не видят тоже. Таким людям рассказывай в самое лицо, получается роса.

Надо понимать.

По возрасту Яков, который киномеханик, был непонятный, а не молодой, тридцать с гаком. Лицо у Якова мне увиделось не как сильно красивое, а и не как у черт-те кого. Я таких артистов у нас не знаю, чтоб показать Якова.

У Якова волос черный, одна нога чуточку плоховатая, нос подгулял тоже. У меня, допустим, носик подгулял по-хорошему, а у Якова сразу получился еврейский. У Якова были глаза. Конечно, у людей всегда-всегда глаза. У Якова были глаза-глаза. Я ж еще тогда не знала, что есть называется “еврейские”. Я ж свои глаза на себе как еврейские не видела.

Надо понимать.

Я с Яковом познакомилась на первый день своей работы.

Люди, кто хотел кушать, уже все-все покушали и пошли с зала.

А Нина мне сказала:

– Сиди?й, отдохни. А то можно ж и пройтыся. Ты по всему дому ходыла?

Я Нине рассказала, что ходила не по всему, а только по дорожкам, что в комнаты не заглядывала и, что, считай, один отдел кадров и посмотрела.

Нина мне сказала:

– А ты пройдыся. Скажи: “Я тут теперь новая, давайтэ знакомыться”. Тебе ж трэба знаты, хто, шо... А сама подывыся – воны ж соби у комнаты тягнуть по?суд. Заразы! Просыш-просыш!.. Нэ нажеруться... Ты визьмы и забэры. Скажи: “Будь ласка, дайтэ, я забэру, а то ж воно тут вам заважае”. Ось вэдро, сюды и покладэш. Ага?

Конечно, я сказала Нине, что ага, что спасибо за хороший совет, – раз! – взяла ведро и пошла.

По правде, мне получилось так удобней ходить смотреть по комнатам.

Я подумала, что можно ж заблудиться. Тут и лестницы, и завороты туда и сюда.

Я уже знала с своей жизни, что если человек куда-то зашел, так человек всегда может – раз! – и выйти назад. А бывает же, что человека куда-то завело. Тогда уже я не знаю что.

Конечно, я не заблудилась. Это ж теперь стал мой дом.

Да.

Я решила, что буду про себя всем-всем сообщать, что я не судомойка, а подавальщица, чтоб не подумали, что я судомойка.

Я шла по лестнице наверх и думала, что жалко, что я ж не могу ходить на работе в платье, без хустки, а с прической. С такой.....

Мне Катерина еще с самого у?тра да?ла белый халат, как у доктора, с завязками назад, хустку да?ла тоже. Катерина сказала навязать, чтоб и волоса не виделось.

Конечно, я выпустила чуточку волоса возле ушей, у меня там тоненькие колечки закручиваются-закручиваются. Оно ж когда не выпускаешь, тогда обидно.

Да.

Я и не знала и не представляла себе, пришла работать в платье. Я думала, что мне дадут фа?ртух, такой, чтоб накрахмаленный с оборкой на низу, и на голову дадут тоже – называется “наколка”. А дали, что я в эту секундочку расстроилась.

Я ж видела, какие одетые официантки. Я на вокзале не видела, нет. Я раньше видела. Если ресторан, так там всегда окна. Оно ж, когда идешь на базар, получается “Украина”. По правде, я сама по себе возле всегда не стояла. Когда женщина, стыдно стоять возле гостиницы. Я и возле “Десны” не стояла тоже. “Десна” против “Украины” меньшая, а там и гостиница для людей, и ресторан.

Да.

Я подумала, что пускай, что меня не спортишь, что Катерина мне завидует.

Ага.

По правде, через сколько-то мне и фартух дали, и наколку, и юбку черную, и блузку белую с рукавом-фонарик. Я заслужила, так потому.

Я про ведро.

Иду по дорожкам, которые похожие, где мы шли рука до руки с Александром Ивановичем.

Допустим, у меня в голове не было, чтоб Александр Иванович попался мне навстречу.

Потом я подумала, что если выполнить поручение честно-честно, так нужно прийти и к Александру Ивановичу. Я наметила это на последнее, чтоб Александр Иванович увидел, что я наставила ведро до самого верха и несу, аж вся-вся сгибаюсь.

Мне увиделось в голове, как будет. У нас в школе сделался кружок, так мы там танцевали народные танцы СССР. Я как шла, так и сделала вроде в русском народном хороводе, называется “Березка”.

Надо так, а потом на другую сторону. Людям нравилось, что мы с девочками красиво наклоняемся боком отсюда туда и оттуда сюда.

Я для начала постучала в комнату “Кинозал”.

Тихо. Никто мне ничего.

Я ступила дальше шагов на десять и то?ркнула двери – не такие, как те, которые двери в комнату, а маленькие. Мне открылось снутри.

Двери открыл хлопец. Оно ж по виду который открыл, так он был не дядька, а хлопец, хоть и не молодой. Потом я уже хорошо-хорошо присмотрелась и увидела, что не хлопец, а тогда нет, не присмотрелась.

Хлопец был одетый в черный халат.

Спросил у меня:

– Ну?

Я вежливо поздоровалась и попросила, что мне требовалось. Я рассказала, что я новая подавальщица в буфете, и сказала свое имя.

Хлопец сказал:

– Ну?

Хлопец стоял на месте, еще и ногу отставил до конца двери, чтоб я не прошла. А нога почти что круглая, если вбок.

Я подумала, что это как враг не пройдет. И еще подумала, что если придется, так для врага так и надо ставить ногу.

Я сказала по-хорошему:

– Вас как зовут? У вас же имя имеется?

И улыбнулась всеми своими зубами. Я за собой такое знала, что на мою улыбку никто не мог смолчать.

Конечно, и хлопец не смолчал:

– Яков. Яков Кацнельсон.

Я сказала для шутки:

– А фамилию вашу я не спрашивала. Мне фамилия не надо.

Хлопец сказал:

– Ой, моя фамилия тебе не надо! Своя такая же!

Конечно, я сразу узнала еврейскую фамилию, хоть мне и пускай. А зачем хлопец мне так? Хлопец же мою фамилию не слышал, а уже подозревает. Такое не делается между товарищами на работе.

Чтоб отомстить, я заявила:

– Моя фамилия Федоско. Полностью – Мария Ивановна.

Хлопец на рассказанное не стерпел:

– А я ж уже подумал, что у тебя фамилия, допустим, Изергиль.

Мне уже захотелось засмеяться с хлопцем, хоть я хорошо знала, что Изергиль – это имя у женщины. Есть Горький, так Горький придумал такое имя. Клара Семеновна рассказывала, а я потом читала. Мне понравилось.

По правде, когда я уже про себя узнала, мне слово “Изергиль” стало стыдным. Я подумала, что Изергиль похоже на Израиль. Я такое еврейское имя знала по улице.

А хлопец не засмеялся.

Хлопец сдвинулся в сторону и сказал:

– Давай, Мария Ивановна, вынось, что тебе понравится!

Я вошла.

По правде, это была не комната, а комора. Человеку должно быть стыдно такое держать с собой как с человеком. Газеты все-все в пылюке, замятые, а можно ж, чтоб сложить, железяки тоже – и круглые, и палками, на стенках наляпанные друг на друга объявления про разные картины, называется “афиша”.

Я не сильно рассматривала, что мне увиделось, а мне понравилось “Испытание верности”. На картину я не ходила, а на объявлении нарисовали красивую любовь. Про это рассказывало и название, и все-все. Двое людей, мужчина и женщина, идут по дорожке рука до руки. Конечно, мужчина и женщина идут не под ручку, а как настоящие верные товарищи. Мужчина накинул пиджак на свои плечи, рубашка у мужчины на цвет белая-белая. А у женщины платье на цвет зеленое и рукав-фонарик. Женщина держит двумя своими руками газовую косынку вокруг шеи, чтоб газ не полетел. Обо?е смеются, зубы у обоих тоже на цвет белые, а вокруг – небо и радость.

Я решила, что на такое надо равняться, и спросила, может, Яков видел картину про верность.

Яков рассказал, что картину не видел, что картину показывали, когда Яков еще не работал у офицеров.

Я спросила, сколько Яков тут работает.

Яков сказал, что на работе работает один год.

Я думала, что, может, мы с Яковым еще поговорим, может, мы сейчас подружимся, что мы ж теперь товарища на работе.

А Яков молчал и начал перематывать на свою руку кусок веревки.

Я подумала, что если кто не хочет, так мне и не надо.

Я обсмотрелась. Я ж пришла взять посуду, а не я не знаю что.

Получилось, что в комнате три стакана один в одном поставились на полу. Стаканы были грязные, аж завелась там всякая гадость. Были три тарелки, одна в одной на полу тоже.

Конечно, я ничего Якова не упрекнула.

Я – раз! – и взя?ла голый рукой и стаканы, и тарелки, сложила в ведре и запела Якову в самое лицо песню:

– Я утро встречаю рассветом...

По правде, Яков не перестал с своей веревкой.

Я спела слова тихо-тихо. Никто ж другой не виноват, что есть такие люди, как Яков, – без воспитания. Я ж никому другому ни за что не помешаю на работе.

Дальше получилась комната “Библиотека. Посунько Надежда Сергеевна”.

Посунько Надежда Сергеевна в библиотеке находилась одна.

Надежда Сергеевна так и сказала на мое приветствие и представление:

– Очень приятно. Заходите. Я одна, как раз провожу инвентаризацию.

Потом Надежда Сергеевна повела руки по сторонам:

– Я книги считаю, чтоб все было на своем месте.

Надежда Сергеевна себе решила, что я не знаю такое слово. Надежда Сергеевна увидела перед собой работницу с ведром – и подумала такое.

А я много слов знаю. И слово “инвентаризация” мне хорошо-хорошо знакомое. Я на лозовой была в профкоме, меня включили делать учет, мы там подписывались, что “инвентаризацию проводили такие-то и такие-то”.

Мне уже давно много думалось и про слова тоже. Слова ж маленькие против человека.

Допустим, человеку надо сказать слово. А слово уже – раз! – с головы скок-поскок на язык. И человек говорит уже вроде от себя. А это ж слово сказалось само по себе.

Надо понимать.

По правде, я всегда не умею задерживать слова.

Допустим, есть слово называется “карандаш”. Этот карандаш был дурной и не лез мне до головы. Так я вроде взяла забор, выломала с забора доску, а в дырку взяла – раз! – и поставила карандаш. Сначала карандаш прятался в заборе, и я карандаш то видела, а то уже не видела. Так я вроде покрасила карандаш в белое. Получилось хорошо, и карандаш уже от меня всегда не бегал.

Допустим, есть слово называется “знамя”. Конечно, это ж красное знамя. Так я вроде взяла знамя – раз! – и поставила до стенки. Получилось красное на белом, и стало у меня хорошо.

Есть слова непонятные и непонятные. Хотя и слово называется “инвентаризация”. Так я непонятность вроде беру и – раз! – ставлю до фонаря.

Да.

И книжки я читаю тоже. Меня в школе Клара Семеновна отметила как активного читателя по программе чтения. Тем более что слова в наявности не в одной книжке. Слова ж можно узнавать всюду. Даже и от людей. И от радио можно узнавать тоже. Оно ж целый день говорит – с утра до вечера. Получается, что там слова и слова. Конечно, радио и музыку играет тоже. И в постановках – там же ж такое же самое.

Мой нехороший недочет, что у меня в голове получается слов больше, чем выходит на язык.

Я думаю всякими-всякими словами. А когда рассказываю, так слов находится у меня меньше и меньше.

Я сильно думала и решила, что такое правильно. Человеку всегда нельзя высказывать в голос все-все слова, которые человек знает у себя в голове. Это ж человек знает, а люди нет, не знают. Надо рассказывать в голос слова, которые есть и у других тоже. А то человек перепутается и за собой других перепутает.

Получится нечестность.

Надо понимать.

Надежда Сергеевна спросила, может, я хочу записаться в библиотеку.

Я сказала, что хочу.

Когда Надежда Сергеевна меня записывала, так села возле стола и наклонилась. Оно ж, когда люди пишут, всегда наклоняются. В эту самую секундочку тоже.

У Надежды Сергеевны на блузке был на шее вырез. Вырез получился, что показывал все-все сам по себе. А Надежда Сергеевна ж еще и наклонилась. Мне такое кинулось в глаза, потому что я за скромность на работе. А тут проявилась нескромность, хоть можно было закрыть косынкой. Конечно, мне подумалось, что газовой, какая про верность.

По возрасту Надежда Сергеевна была, может, лет тридцать. Волос у Надежды Сергеевны был на цвет серый, короткий, по самый низ шеи, редкий, еще и завитый на папилетки. Допустим, когда короткое завивать, тем более самой по себе и на папилетки, всегда ровно не будет.

А я видела, как хорошо завивают на бигуди. У нас на лозовой работала одна женщина. У женщины муж работал как дамский мастер в паркмахерской, которая на Валу. Так – угол Фрунзе, а так – дорога. Муж там работал и зарабатывал. Женщина рассказывала, что мужу и в руку давали.

Да.

Женщина на себе пояснила про разницу.

Женщине муж сделал перманент на бигудях, так женщина для разницы позва?ла Свету с проходной. А Света не знала, зачем позвали, и Света пришла. Конечно, потом Света обиделась. Я б не обиделась, а сказала спасибо. Я за учебу

всегда говорю спасибо.

Да.

А Света сама по себе накручивалась на папилетки.

Глаза у Надежды Сергеевны серые тоже.

Лично мне не нравится, когда серое и серое. Тем более волос и глаза у женщины. У мужчины похожее не такое главное, а мне не нравится тоже. Вроде цвет одинаковый и будет получаться красиво. А не получается. Я думала про почему такое. Я еще это не узнала.

Губы у Надежды Сергеевны накрашенные помадой, не краснучей, а красной. Это тоже разница. Потому что когда помада краснучая, так часто характер у женщины плохой. Женщина, может, хотела б свою злость и все-все запрягать, а помада возьмет – раз! – и расскажет правду. Ты ж, женщина, сама по себе выбирала, так не жалуйся.

Да.

У Надежды Сергеевны блузка на цвет была синяя, а рукав длинный и юбка черная под пояс. А живот у Надежды Сергеевны для пояса не годись, и остальное не годись – бока и что с спины тоже.

Да.

Я про наклонилась.

Надежда Сергеевна наклонилась, чтоб меня записать в библиотеку на называется “карточка”. В эту секундочку видные с выреза груди у Надежды Сергеевны получились вроде два уха у кроля.

У нас с мамой Тamarой сосед, так сосед держал кролей на мясо. Я бегала смотреть, как сосед вешал кролей, которые забивались, ушами наниз. Сосед кролей по очереди молотком по голове, по голове... Раз! Раз! У Надежды Сергеевны груди в вырезе были как кролиные уши наниз головой. Только без шерсти, конечно, и не серые тоже.

По правде, мне вспомнилось про кролей, потому что у Надежды Сергеевны лицо похожее. Мне кроли сами по себе нравятся. А Надежда Сергеевна была не кроль, а женщина, потому и некрасиво.

Ага.

Надежда Сергеевна мне предложила, чтоб мне взять книгу, хоть тут читать, хоть домой. Надежда Сергеевна спросила про что я люблю. Я, конечно, сказала, что про все и что сейчас возьму что посоветуют. Надежда Сергеевна посоветовала “Покорители вечных бурь” как познавательное и дала мне с стола книжку. Я книжку взяла и посмотрела. Допустим, если б там не было, что “Детгиз”, я б взяла. А так – не надо мне. Хоть, может, книжка сама по себе и хорошая. И потом. Книжка эта получилась не толстая. Наверно, Надежда Сергеевна не захотела мне дать, чтоб была толстая и взрослая тоже. Наверно, подумала, что я с книжкой не дружу, что я похвалилась.

Допустим, я похвалилась. А зачем Надежда Сергеевна так?

В эту секундочку мне надо было, чтоб толстая. Я б книжку рукой притули?ла до себя, вроде мать ребенка, а в другую руку – раз! – и взяла б тяжелое ведро. Ведро ж будет тяжелое уже, когда я дойду до Александра Ивановича. Александр Иванович увидит, что я и с книжкой, и с ведром, аж надрываюсь, а не отбрасываю и то, и другое тоже.

Я сказала Надежде Сергеевне:

– Ой, спасибо! А можно мне про такое же самое, толстую-толстую, чтоб на много хватило?

Надежда Сергеевна на мои слова не удивилась, а пошла за полки и принесла толстенную книжку.

Надежда Сергеевна в руки мне книжку не дала. Хоть бы я на название посмотрела, нет. Надежда Сергеевна и сама по себе название не сказала, а записала в карточку.

Когда писалось, Надежда Сергеевна мне рассказала, что эта книжка тоже интересная, что я потом посмотрю, что мне до весны хватит.

Конечно, я не заспорила – до весны или, может, не до весны. Я хорошо попросила Надежду Сергеевну отдать мне посуду с буфета.

Надежда Сергеевна пошла за полки, вынесла тарелку, чашку на блюде и рассказала, что получается неудобно, что Надежда Сергеевна б сама принесла, что спасибо.

Я приняла посуду с рук на руки и обсмотрела перед своим лицом.

По правде, чашка была снутри от чая черт-те какая.

Я так и выразила, чтоб Надежда Сергеевна не боялась, что я всю-всю грязюку чисто отмою.

Я положила посуду в ведро, книжку себе до груди притулила и пошла.

Я тогда подумала про Надежду. Допустим, есть человек. Ну скажи мне человек, что нету посуды, я ж поверю, я ж не полезу искать-выискивать. А человек сам по себе вынес.

Конечно, я Надежде правильно указала на грязюку. А получается ж, что Надежде до моего указывания было стыдно тоже. Зачем вынесла? У человека сделалась такая привычка, что когда человека спрашивают, надо всегда ответить. Пускай бы человек взял – раз! – и не ответил.

Да.

Я шла и стучалась в все-все двери. А двери мне открывались не все. Которые открывались, так всюду находилась не ихняя посуда.

В комнату “Женсовет” меня не пустили. Там двери открыла женщина. Женщина меня отпихнула, вроде я стремлюсь не знаю что.

Я и языком своим не повернула, а женщина сказала, что просит не беспокоить, что заседание.

Женщина взяла – раз! – и повернулась, аж юбка черт-те какого клеша мазанула меня по ногам до самого живота.

Возраст у женщины был как для меня, так старый. Может, как у Галины. Я хорошо не посчитала, потому что женщина была сама по себе вся-вся крашенная. И волос крашенный, как у Катерины, и брови с губами тоже. У женщины красоты не было. Когда у человека есть красота, я всегда увижу и скажу. На фигуру женщина была хорошая. Я еще подумала, что когда я буду старая, так тоже.

Я – раз! – взяла и переложил в ведре, потом опять, чтоб мне получилось лучше. Еще и вилки с ложками, некоторые давали гнутые.

Да.

Я всегда внимательно отношусь к поручениям мне. Потому я стучала в все, что было можно.

Под лестницей были маленькие двери, с скосом.

Я постучала.

Голос меня впустил.

Это был Дмитро.

Дмитро сидел за столом с ящиками и резал газету на бумагу.

По возрасту Дмитро был молодой. Дмитро был на вид хороший, похожий на артиста Гурзо.

Да.

У Дмитра наверху была спецовка, а в расстегнутые пуговицы виделась называется “тельняшка”.

Дмитро увидел меня в халате, в хустке и стал сильно радостный, что меня приняли в коллектив.

Дмитро позвал выпить чай. Конечно, я сказала, что спасибо, что нет, что мне надо работать дальше.

Я захотела проявить уважение и начала по-украински, как Дмитро.

– Вы, будь ласка, сами пийтэ, а я подывлюся, визьму, шо мэни трэба... Ось стаканы з пидстаканниками – воны ж бухвэтные?

– Ага ж, бухвэтные! И ото на этажерци блюд-цэ – визьмы, тэж ваше, з бухвэту. Як воно тут?.. Нэ знаю...

Я заверила Дмитра, что переживать ничего не надо. И спросила для поддержки, почему Дмитро в тельняшке.

Дмитро стал радостный и довольный. Допустим, Дмитро уже был радостный, а тут стал радостный и довольный тоже.

Дмитро мне рассказал, что у офицеров работает на подхвате, что три года тому служил моряком, морским, а не на речке, как у нас в Чернигове, которые моряки

на Десне, – на пароме или на пароходе до Киева и дальше.

Я сказала Дмитру, что завидую, что я ж воду, кроме Десны и Стрижня тоже, не видела, а море, конечно, это красиво-красиво.

Дмитро сказал мне, что море – это красиво-красиво, что у Дмитра всегда есть мечта переехать на жизнь в Крым.

Потом Дмитро сказал про чтоб помочь мне понести ведро. Я сказала, что спасибо за доброту, что не надо, что я сама по себе. Дмитро мне сказал, что ладно.

Я уже когда вышла за двери, подумала, что, конечно, Дмитро резал бумагу для уборной. Еще подумала, что Дмитро режет, а сам знает, что с этой бумагой люди делают. Получается, про меня знает тоже, что я делаю. Стыдно.

По правде, у меня в жизни всегда стыдное мне мешало. Я мечтала, чтоб у человека стыдное не было. А это ж мечты и мечты.

Еще было – бильярдная, кружок “Кройка и шитье”. Другое тоже было.

До Александра Ивановича надо было пойти от лестницы и на правую сторону. А когда пойти на левую сторону, так там зеркало на весь-весь рост. Зеркало, потому что вход и вешалки. Вешалки были на доверии, там человек не находился. Оно ж каждый сам по себе снимет с себя и повесит, а потом такое же сделает назад. Зачем в коллективе держать человека, чтоб он совался и совался?

Конечно, я стала возле зеркала, чтоб перевязать хустку. Удачно получилось, что было пустое, как для людей, время.

Я перевязала и еще обсмотрелась в зеркале с всех своих сторон, какая я, когда с книжкой и с ведром тоже. Мне понравилось.

У человека так не случается, чтоб было удачно и удачно.

Я постучалась до Александра Ивановича, чтоб мне открылось.

Голос женщины мне сказал:

– Войдите!

Я зашла.

Секретарка – по виду сельская учительница Вера Марецкая. У Веры Марецкой и платье такое, и брошка тоже, наверно, еще с самой гимназии или откуда. Вера Марецкая сидит себе, две руки на машинку положила – показывает, что работает каждую секундочку.

Я пояснила Вере Марецкой свою задачу:

– Извините, пожалуйста, я посмотреть – за посудой, может, с буфета что...

А Вера Марецкая мне:

– Вас как зовут, девушка?

Я сказала, что Мария.

Вера Марецкая меня заверила:

– Мария, мы с буфета себе сюда ничего не носим. Вы должны понимать, что это кабинет товарища Осипова. Вы это понимаете?

Я хотела сказать, что товарищ Осипов обещал мне про меня заботиться больше большего, что я лишнее всегда не прошу, что прошу посуду с буфета, а не я не знаю что.

Вера Марецкая мне не дала и зубы расцепить:

– Вы идите! Идите! Нам тут некогда!

Я – раз! – и повернулась назад.

Я шла, а в голове у меня было учителькино гадство. “Мы не носим... мы с буфета... нам тут некогда...” Зараза! И как это она себя слепила с Александром Ивановичем! Я не потому, что, как у женщин бывает, ревность. Первое, она старая-старая, старей женсовета. Была б Марецкая молодая, я б тогда, конечно. Мне стало обидно как человеку. Еще и книжка.

Я решила, что Марецкая скажет Александру Ивановичу, что, товарищ Осипов, что в эту секундочку одна дурная приходила с ведром, что надо, товарищ Осипов, нам в буфет приказать, чтоб больше не присылали, что главное, товарищ Осипов, одна дурная книжку держит тоже. Скажет, что вы, товарищ Осипов, себе такое видите? Что это ж страх, товарищ Осипов! Что до чего ж бывают дурные, товарищ Осипов!

Ага.

В буфете Степан Федорович и Катерина пили с стаканов. Может, пили чай, может, компот. Я в чужие стаканы своими глазами не лазила. Люди пообедали себе хорошо и теперь запивают. Пускай. На столе поставленные тарелки под первое, а видно, что там было и второе наложено. Я не потому, что мне жалко. А почему мне не предложили? Что судомойку не позвали, я на такое не удивилась. А меня ж могли позвать, потому что я называюсь “подавальщица”, считай, официантка.

Конец ознакомительного фрагмента.

Купить: https://tellnovel.com/ru/hemlin_allya/zamorok

Текст предоставлен ООО «ИТ»

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию: [Купить](#)